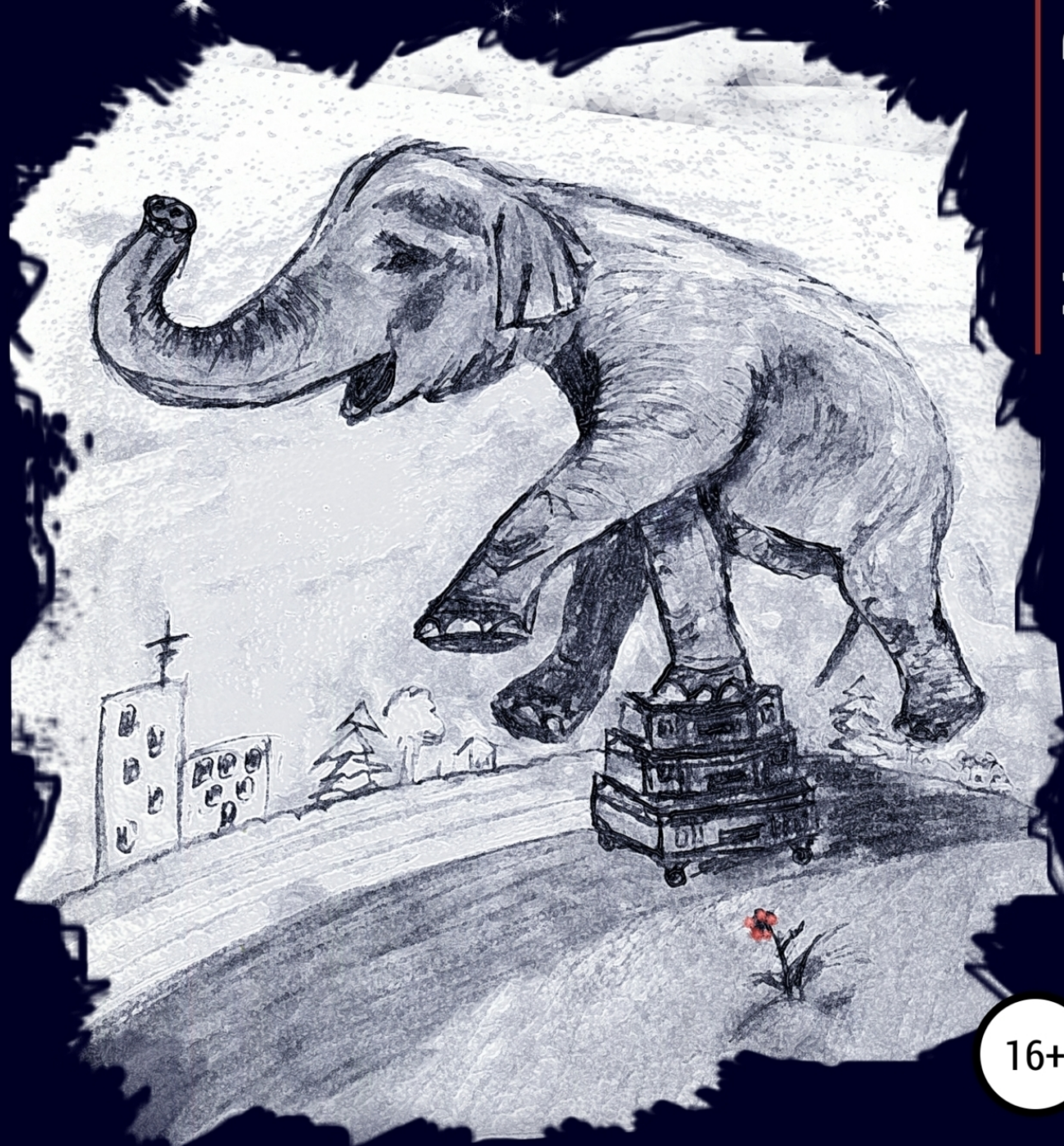


# НЕПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ О НЕСУЩЕСТВУЮЩЕМ СУЩЕСТВЕННОМ

Мария Волощук Махоса



16+

Мария Махоша

**Непоучительные истории о  
несуществующем существенном**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

**Махоша М. В.**

Непоучительные истории о несуществующем существенном /  
М. В. Махоша — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-97802-7

Рассказы и заметки о жизни, быте, обычаях разных миров: будущего, иного, параллельного и наверняка какого-нибудь ещё. Как живут там, где есть право на смерть по желанию или зоопарк из чувств? Как быть, если ты вдруг попал в число охотников на незащитных людей, живущих на Земле? Что делать тому, кто оказался очень близко к настоящему Богу? Об этом и многом другом рассказывает этот сборник.

ISBN 978-5-532-97802-7

© Махоша М. В., 2020  
© ЛитРес: Самиздат, 2020

# Содержание

Туристические нюансы	5
Игровая	9
Непоучительная история	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

# Мария Махоша

## Непоучительные истории о несуществующем существенном

### Туристические нюансы

– Выбрали?

– Нет, ещё немножко... Наверное, немножко... Никак не могу определиться.

– Ну, послушайте, так же нельзя. Вы тут уже несметное количество времени сидите и копаетесь, копаетесь. Мне кажется, чуть не всё уже пересмотрели по три раза. Вы же не корову выбираете, а путешествие! Всего лишь путешествие, туда-обратно, ну и там немножко, и готово. Решайтесь уже.

– Где?

– Что «где»?

– Где сказано, что есть ограничение во времени выбора?

– Нет, ну конечно, нигде. Я понимаю: Вы, как опытный путешественник, можете любого поставить на место, и меня тоже. Но таких, как вы, много, и каждый день приходиться сюда и занимать чьё-то место... Мне от этого неудобно, за Вас неудобно, а Вам, выходит, всё равно.

– Что-то в Вашей логике, простите, не верно. Да, я прихожу каждый день, давно, сижу, выбираю, но когда я ухожу – внимание, – за дверью никого нет! Значит, ВСЕ получили то, что хотели, смогли выбрать, и я в этом не помеха. Мне думается, что всё дело в том, что кто-то кому-то надоел, примелькался. Так? Ну что Вы бледнеете в ответ, не надо бледеть, скажите лучше словами. Не с меня это разговор начался, не мне его и завершать.

– Пусть и так, пусть Вы правы, пусть одному кому-то невыносимо то, как Вы выбираете. Разве этого недостаточно, чтобы Вы выбрали уже?

– Прекрасно! Просто изумительно! Теперь я знаю того самого «кого-то одного», кто поможет мне выбрать, и это – Вы!

– Так я пытаюсь, из себя вон лезу всё время, объясняю Вам, рассказываю... Что ещё сделать, чтобы Вам понравилось?

– На столе спляшите. Разденьтесь и спляшите, лучше краковяк, – это меня точно позабавит. Но выбор я от этого не сделаю. Хотите выбор – ждите до темноты, когда все разойдутся, тогда и поговорим.

– Это мерзко.

– Терпите. Вам положено терпеть таких, как я. До темноты терпите, а дальше – всё в вашей власти.

Давно подмечено: поток путешественников течёт плотной массой, пока светло. Словно выбор места для странствия нужно непременно делать, пока свет и тьма не встретились. Странная закономерность, и опять же – нигде не написано, что так, но словно тьма может как-то навредить выбору: мало желающих выбирать в сумерках.

Новые, новые, один за одним, вереницей приходили, выбирали, расплачивались, уходили довольные. Бесконечность выборов, иногда очень понятных, иногда – непонятных вообще. Те, кто продаёт путешествия, не могут понять тех, кто покупает путешествия, никогда, потому что не платят за них сами и не углубляются в суть происходящего там. Те, кто продаёт, – поверх-

ностны. У них есть возможность что-то посмотреть бесплатно, они потому и здесь, на этом месте, чтобы у них так всё было устроено: короткие вылазки повсюду не за свой счёт. Этого обычно бывает вполне достаточно, чтобы потом помочь покупателям с выбором. Рассказать про то, как там дышится, какие там законы, какие нормы. Кто и как передвигается, какая нужна одежда, и нужна ли она вообще, чем болеют и как лечатся. Те самые мелочи, которые обязательно нужно знать путешественнику.

Но как быть с вот такими покупателями, которым недостаточно этих мелочей, не знает никто, и статистику совершённых сделок они портят постоянно. А всё дело в бонусной программе. Понятно ведь, о чём пойдёт речь, когда все уйдут: начнутся расспросы, как выбрать такое путешествие, за которое начислят максимальное количество бонусов по итогам. Почему-то они не хотят верить, что продавцы сами этого не знают, это знание не их уровня. Нужно смириться, выдохнуть и брать то, что понравилось, а не мучить вопросами ни в чём не повинных продавцов.

От мыслей об этом холодный пот, но пока выбирающих много, можно об этом не беспокоиться, всё равно никакого прока от пустых мыслей и предположений нет. Покупателей всё меньше и меньше, и вот уже остались вдвоём. Время пришло.

– Ну, так что, готовы помочь мне с выбором?

– Давайте попробуем ещё раз.

– Нет, ещё раз не нужно. Все эти Ваши сказочки про плотность воздуха, чувственные удовольствия и прочие радости местного колорита мне не нужны. У меня опыт уже больше сотни путешествий, последний десяток которых был не слишком успешным, и сейчас самое время получить побольше бонусных баллов по итогам поездки. Хотите избавиться от меня – предложите любое путешествие, тайну которого Вы знаете и сможете рассказать, по каким правилам там начисляются баллы. За что прибавляют, за что вычитают. И я тут же его беру, без лишних разговоров и торга!

– Сколько же можно... Одно и то же каждый раз! Ну, сами подумайте, как я, здесь, на своём месте, могу об этом знать? У Вас опыт больше сотни путешествий, Вы же изучили назубок саму суть бонусной программы: в путешествии Ваша задача разгадать, за что начислят и за что отнимут баллы. Разгадали, набрали максимум, вернулись. Не разгадали, накосячили – вернётесь с несгораемым минимумом. Всё. Это то, что знаете Вы, это то, что знаю я. Если я пойму принцип начисления, то я уже точно больше не буду на этом месте работать, понимаете? И вы если поймёте, то в следующий раз уже не к нам придёте, а в заведение совсем другого уровня и в другом месте, потому что Вас баллами завалит, и станете Вы VIP. Так ведь?

– Из RIP в VIP. Конечно, так, мне только этого и надо, ничего больше. Ну, хорошо, Вы не знаете, за что где их начисляют, эти злосчастные баллы. Но хоть путешествие, в котором эту загадку чаще всего разгадывают, самое простое для понимания место, где можно как можно больше баллов набрать, можете мне подсказать?

– На этот вопрос я сегодня буду отвечать, наверное, в тысячный раз...

– И Ваш ответ будет «нет», понятное дело.

– Вы уже научились читать мои мысли, это даже радует! Конечно, нет, потому что продавцы не видят статистику возвращений и знать не могут, и...

– Хватит. Надоело слушать про немощь. Давайте я в другой стороны зайду, может быть, хоть так у Вас получится мне ответить, не страшась увольнения: говорят, что есть очень простые для набора баллов места, где легко можно самому разгадать правила начисления баллов. Я сейчас просто разложу на столе буклеты с их описанием, и дальше поговорим.

Как же это невыносимо нудно, похоже не пытку. Ты и правда не знаешь, а тебя пытаются ломать, ломать, ломать, и уже хочется сказать что угодно, только бы от тебя отстали. Особенно после того, как через тебя прошли сотни покупателей перед этим, и усталость уже такая, что впору лечь и умереть. Даже стоять тяжело, приходится опираться руками о стол, засыпанный буклетами...

– Ну что ж, спасибо! Значит, больше я не буду надоедать. Давно бы так! И так, куда я в этот раз отправляюсь? Земля?

Можно, разумеется, остановить благодарности и честно признаться, что этот буклет случайно попал под руку, и продавец ничего на самом деле не знает об этом месте, кроме того, что это планета, основа существования живых тел на которой – вода, там лёгкая атмосфера, и её, в том числе, населяют условно разумные существа под названием «люди». А надо ли? Пусть уже всё идёт, как идёт.

– И так, Ваш выбор?

– Мой выбор – Земля. Роль – человек. Пол мужской. Продолжительность жизни 75 лет. Посчитайте, сколько с меня.

– Четыре тысячи двести семьдесят шесть баллов.

– Нда... Дороговато. А если всё то же, но пол женский?

– Три тысячи девятьсот.

– Опять не тяну. У меня всего три двести шестьдесят.

– Так возьмите: Земля, роль – слон, продолжительность жизни примерно та же, а по ценнику уложите, и еще останется.

– Нет, на неразумных существах баллов толком не заработаешь. Давайте считать. Пусть будет: Земля, мужчина. Сколько жизни можно купить за мои три тысячи баллов?

– 52 года за три тысячи сто баллов. Берёте?

– Беру. Когда ближайшая отправка?

– Там до четырёх человек в секунду рождается, но популярность направления растёт, поэтому придется подождать недельку.

– Хорошо. Выписывайте.

Она передала ему долгожданную бумагу:

«Ваучер именной на предъявителя.

Пункт назначения: Земля.

Роль: человек.

Продолжительность жизни: 52 года, включая период нахождения в животе матери + 2 года (подарок от фирмы).

Выбор места проживания: рандомно.

Цель поездки: путешествие для накопления баллов.

По итогам поездки по бонусной программе начисляются баллы за поступки в месте пребывания. Фирма оставляет за собой право начисления баллов в соответствии со скрытыми правилами, известными бонусной комиссии, но не менее +1000 баллов за путешествие. Тайна начисления не может быть раскрыта ни при каких обстоятельствах.

Удачной поездки!»

За случайности ведь не увольняют? Покупатель сам решает, во что ему верить. Всегда. Значит, есть надежда!

- Готово. Хорошего Вам путешествия!
- Вашими молитвами!

Махоща, 2016

## Игровая

*Светлый путь укажет и солнечный зайчик, отражённый гильотиной.*

Сквозь прозрачные стены игровая комната видна как на ладони. Он оставил малыша постоять немного здесь. Непросто это – впервые остаться одному, с какими-то добрыми с виду, но чужими. Малыш замер, изучая новый для него мир. Эмоции его не замерли – они отражались, словно всполохи на лице младенца, без страха разглядывающего огонь. Пухлые губки то растягивались в улыбке, то становились мягким и бесформенными, как это бывает только у детей, то поджимались и очерчивались чётко, делая его совсем взрослыми. Малыш смотрел и смотрел, он любовался своим малышом и ждал.

– Ты точно за мной потом вернёшься? – вдруг спросил малыш очень тихо, не отрывая взгляда от игровой.

– Ну конечно, как же иначе!

– Точно-приточно? – малыш обернулся и впился в него колючим взглядом.

– Если я обещаю, то всегда исполняю. Я обязательно вернусь! – ответил он вслух, а про себя, чтобы прогнать мурашки со спины, подумал: «Сделаю всё возможное, чтобы вернуться».

Малыш не заметил его метаний, отвернулся и снова стал смотреть.

– Радость моя, пора. Пойдём!

– Давай ты не будешь меня туда отдавать? Можно?

Как эти малыши умеют так просить? Куда пропадает это умение, когда вырастешь, а оно как раз становится очень нужно? Слова обычные, но мольба в глазах такая, что хочется схватить, обнять, прижать, говорить: «Да, да, конечно же, я тебя никогда и никому не отдам! Бежим отсюда и всегда-всегда будем вместе, взявшись за руки...»

– Нет, нельзя. У меня взрослые дела. У меня много взрослых дел.

– Тогда возьми меня с собой!

– Туда, где у меня дела, не пускают вместе с малышами.

– Почему?

– Малышам там опасно. Там надо много ходить большими шагами, говорить со взрослыми и ни на что не отвлекаться.

– Даже на меня? – малыш стал очень печальным, услышав, что на него не будут отвлекаться.

– Так поэтому я и оставляю тебя здесь, чтобы ты меня дождался и чтобы тебе было весело ждать, играть в игрушки, бегать, лазать.

Малыш снова стал смотреть, только теперь нахмурился, почти как взрослый.

– Ну же! Смелее! Посмотри, сколько там малышей!

– Я смотрю на малышей. Не хочу туда идти. Давай я лучше подожду тебя здесь. Оставь меня где-нибудь тут или вон там, – он указал маленьким пальцем куда-то в темноту, – и я буду ждать, когда ты придёшь.

– Так нельзя, так я не могу. Малышей не оставляют одних, это очень опасно. Малышей надо хранить и беречь, чтобы не случилась беда.

– А какая беда может случиться?

– Ты можешь потеряться. Уйдёшь не туда, и я не смогу тебя найти, – это был тот случай, когда не нужно говорить всей правды. Слишком рано и слишком больно малышам знать, как подходят, берут за руку и уводят туда, откуда уже не вернуться...

– И расстроишься?

– Конечно! Я очень-очень расстроюсь тогда!

- Там, – малыш показал на игровую комнату, – я не потеряюсь?
- Нет.
- Почему?
- Потому, что там будут те, кто тебе поможет не потеряться. Вон, видишь, в ярких жилетах? Они помогают не теряться.
- Жилеты? Жилеты красивые. Мне тоже дадут такой жилет?
- Нет, ты не так понял. Те, кто одет в эти жилеты. Где бы ты ни был, можно кричать им: «Помоги мне!» И они сразу придут к тебе на помощь, – уверил он, а про себя подумал: «Если услышат и если не будут заняты другими делами... Как же много если!»
- Я тоже хочу такой жилет, мне он очень понравился!
- Такой жилет нужно заслужить. Видишь, какие они большие, те, кто в жилетах? Они росли, потому что узнавали много, делали много, показали себя, что им можно доверять важные дела, и за это дали жилеты.
- Малыш призадумался. Сложные жилеты больше не казались ему такими уж привлекательными.
- Их мало, они далеко, и они наверняка могут и не успеть, эти жилеты, – малыш словно разгадал его мысли.
- Да, поэтому сначала с каждым малышом рядом ещё и своя женщина.
- С каждым?
- Да.
- Всё время?
- Да. Вначале все время, а потом малыш уже может играть сам.
- И со мной будет?
- Да, – он старался не терять терпения и объяснить каждую мелочь. В таких делах, как начало, нельзя спешить. – Вон та, видишь, красивая, с длинными волосами. Нравится?
- Нет.
- А какая нравится?
- Никакая. Я хочу быть с тобой.
- Я знаю, радость моя, и я скоро вернусь за тобой и заберу тебя. Но сначала ты поиграешь. Может быть вон та, в голубом плаще? У неё уже есть малыш. Вместе вам будет весело.
- Я хочу один, – капризно надул губы малыш и насупился ещё больше.
- Хорошо. Будешь один.
- А давай ты там побудешь со мной немного и потом пойдёшь, вместо женщины?
- Нет, дорогой. Там свои правила, так нельзя, иначе все малыши так захотят, и там совсем не станет места. Да и мне пора, очень много дел, меня ждут.

Они замолчали. Малыш снова смотрел в игровую, он смотрел на малыша. Малыш был хмур и печален. Как же сложно сдержаться! Чего ждать, если всё равно так будет? Хочется подтолкнуть его в спину, закрыть за ним дверь, и дело сделано, а приходится тратить себя на его капризы.

- Ну что, дорогой, ты решился, наконец? Пора!
- Я уйду, – продолжал упрямяться малыш, – подожду, пока все жилеты отвернутся, и уйду искать тебя.
- Нет, нет, дорогой, так нельзя! Так ты точно потеряешься! Я приду за тобой, а тебя нет.
- А я буду смотреть на эту дверь и уйду в неё, чтобы не потеряться!
- Дорогой мой, это вход и эта дверь открывается только для входа, а я-то приду за тобой к другой двери, туда, где выход.
- Зачем так?
- Чтобы не было толчеи, и малыши не мешали друг другу, и все понимали, где вход.

– А где выход?

– Везде. Я приду прямо туда, найду тебя и заберу с собой. Тебе не надо его искать, играй! Договорились? – он взял малыша за руку и попробовал вести за собой ко входу.

– Так не честно! Ты договорился, а я не договорился. Малыши там дерутся, видишь? Они злые! Там плохо! – сопротивлялся малыш что есть силы, упираясь своими крошечными ножками.

– Вижу. Ты не хочешь драться? – он отпустил руку и оставил малыша.

– Не хочу, – и он снова замер, глядя в игровую.

– Тогда ты можешь не драться. Зачем делать то, что ты не хочешь?

– А если он меня первый ударит?

– Или дай сдачи, или уйди. Тебе решать. Там много места, и каждый может делать то, что посчитает нужным.

– А здесь? Я же не хочу туда идти, а ты говоришь идти. Зачем делать то, что не хочешь?

– Чтобы вернуться и уже не бояться самому ходить в игровые, их будет у тебя ещё много разных. Вот ты видишь там что-то, что тебе интересно? – он побыстрее перевёл разговор от вопроса, на который у него не было ответа.

– Да, вон там, где все-все улыбаются и купаются, – щеки малыша покраснелись, он смотрел туда, где малыши улыбались.

– Да. Там и правда много мест, где очень весело. И ты будешь их там все время находить. Пойдёшь?

– Нет, – отрезал малыш, снова помрачнел и спрятал руки за спину, чтобы его не могли схватить и вести.

Он был такой крошечный, что его легко можно было взять на руки и отнести, но разве можно нести того, кто совсем не готов? Рано. Поторопился. Спугнул, теперь всё сначала и никуда не спешить. Чтобы успеть, надо не спешить, дать ему захотеть туда идти, по-настоящему, нестерпимо...

– Посмотри туда, где белая горка. Там тоже интересно – там снег! Нравится? – указал он на самое любимое место.

– А вон у того малыша очень красивая лошадка. Когда я приду, он мне её отдаст? – малыш увидел там что-то своё, что ему интересно, и это очень хороший признак начала.

– Если захочет – отдаст.

– А если не захочет, я отниму?

– Вряд ли. Тот малыш уже большой, силёнок твоих может не хватить. Найди свою лошадку, ещё лучше этой. Она там точно есть!

– Почему?

– Потому что, если ты будешь отнимать чужое, это будет долго. Ты не успеешь наиграться, а я уже за тобой приду.

– Почему там есть лошадка ещё лучше? – поправил его малыш.

– Потому что так устроено: в игровых всегда есть для тебя всё, это только нужно отыскать. Такие правила, малыш.

Он говорил с малышом почти как с взрослым, и это ему нравилось. Быть вместе с тем, кто вырастет, это здорово! Скучно быть взрослым настолько, что знаешь уже всё. Знаешь, что делать, знаешь, что будет, знаешь, чего остерегаться и к чему стремиться, и скучно совсем не хотеть отнять у кого-нибудь лошадку.

– Ну почему тогда всё так устроено, что ты должен меня где-то оставлять? Пусть в этой игровой будет для меня то, что ты меня не оставляешь!

– Ты задаёшь очень взрослые вопросы, малыш. Когда будешь играть с другими малышами, узнаешь ответы на много вопросов и много всего попробуешь. Там будет много всего вкусного, что можно пробовать, но для этого туда нужно войти, – он снова попытался подтолкнуть малыша, но тот снова сопротивлялся, обхватил его колени, прижался к ним всем своим крошечным тельцем.

Малыш весь взмок. Он поцеловал влажный затылок и аккуратно отвёл его руки, присел рядом так, что они стали почти одного роста.

– Ну же, не капризничай, дорогой, это нужно сделать, о-бя-за-тель-но!

– Только вкусного? – спросил малыш, так, словно не услышал его «о-бя-за-тель-но».

– Разного. Можно будет выбрать.

– А что ещё там можно выбрать?

– Можно выбирать, где играть, с кем играть, во что играть. Можно играть в чужие игры и придумывать свои. Там очень интересно!

– А ты там был, когда был маленький?

– Тогда игровые были совсем другие. Крошечные местечки, в которых почти нельзя было выбирать.

– Но ты все равно пошёл туда?

– Да. Нас просто приводили и оставляли там, где за нами могли хоть как-то присмотреть.

Не церемонились.

– А мы сейчас церемонимся?

– Да, родной, сейчас мы с тобой именно этим и заняты – мы церемонимся.

– Давай перестанем?

– Давай!

– Я пойду?

Малыш что-то увидел на игровой площадке, отчего искорки заиграли в его глазах, уцепился за что-то вдали, о чём не хотел говорить, это была его самая первая тайна.

Вот такие они, малыши. Только что держался за колени мёртвой хваткой, так что еле достало сил разжать крохотные пальчики, и вот уже готов бежать не оглядываясь.

– Ты выбрал, с какой женщиной будешь?

– Да. С той, какую ты показал, с волосами и без других малышей, – ткнул пальцем малыш без раздумий, словно это не было важно. – Только ты постарайся быстро-быстро.

Он отрицательно покачал головой в ответ. Он ответил честно. Малыш сделал вид, что расстроился, но он еще слишком мало знал, чтобы хорошо притворяться. Зов его маленькой тайны, которая скрывалась где-то в игровой, стал нестерпимым, страх неизвестного и добрых чужих померк, и он уже облизывал губы в предвкушении.

– Поцелуешь?

Они коротко обнялись напоследок, и малыш побежал.

– Только не забудь про меня там, а то заиграешься ещё...

Но малыш был уже далеко и вряд ли слышал его слова.

\* \* \*

– Поздравляю нас, дорогуша. Наконец-то разродились! Мальчик. Крупненький, четыре триста и пятьдесят пять сантиметров. Богатырь! – радовалась акушерка, лихо подняв малыша одной рукой высоко над столом. Он неумытый ещё, запищал, словно маленький котёнок. Ему было больно. Раньше он не знал вкус боли, сила её удивила, и он кричал как мог: «Я передумал!

Забери меня, забери, я не хочу таких вкусов!» Если бы он только мог видеть, то нашел бы глазами эту дверь и бежал за ним, но перед глазами плыли только мутные пятна.

Женщина с длинными волосами, измученная, с воспаленными искусанными губами, устало улыбнулась и прошептала тихо:

– Добро пожаловать, мой малыш! Как я тебя ждала! Добро пожаловать, мой малыш! Как я тебя ждала! Теперь я тебя никогда и никому не отдам, слышишь, никому!

Махоша, 2019

Costa de Caparica

## Непоучительная история

*Не каждый, кто называется учителем,  
твой учитель.*

– Почему, когда я сплю, мои глаза видят, хоть они закрыты? – спросил Подмастерье у учителя, когда тот, как обычно, тяжело опустил на пол большую корзину.

– Разбери, – указал на корзину Мастер. – Глаза лишь смотрят, видят не глаза. Чтобы видеть, глаза не нужны, иначе наш с тобой труд никчѐмен.

Подмастерье кивнул, но ничего не понял. Так было всегда: он спрашивал, учитель что-то отвечал, и нужно было это запомнить, чтобы потом однажды всё стало ясно. Так повелось с тех пор, как он себя помнил, а сколько он себя помнил, он был здесь, в этих трёх комнатах, наполненных светом, с такими высокими потолками, словно их нет. В одной стояла кровать, где он спал, пока Мастер ходил за едой и материалами, в другой был стол, за которым Мастер его кормил, в третьей была их огромная мастерская, между ними просторный коридор с маленьким фонтаном и тяжелой дверью, в которую Мастер уходил, возвращался и потом очень много работал. Подмастерье спал, ел и тоже много работал, но никогда не уходил: он ведь Подмастерье, зачем ему уходить? Как спит и ест сам Мастер, он никогда не видел, да и зачем есть и спать, если ты огромный и сильный Мастер, тебе работать надо, и так и было.

Мастер приносил корзину с едой и материалами, он кормил Подмастерья, потом они закрывались в мастерской и там мастерили фигурки. Подмастерье помогал Мастеру, аккуратно складывал готовые фигурки в корзину, так чтобы не сломались по дороге. Когда материалы кончались, помогал Мастеру взвалить огромную корзину на спину, открывал ему дверь в пустоту. Когда учитель уходил, ученик сразу ложился спать, засыпал мгновенно и просыпался оттого, что Мастер открывает дверь.

Мастер был немногословен, ловок и силен. Он мог принести много материалов, он мог изготовить большую гору или маленький цветок и делал много всего чудесного. Его огромные сильные пальцы хоть были изрезаны и исколоты, но сохраняли гибкость и способность сделать и муравья, и травинку, и песчинку прекрасными.

Ещё совсем малышом Подмастерье подавал Мастеру материалы. Это было забавно, как игра, можно было потрогать шершавое и гладкое, память упругое и погреться тёплым. Учитель замирал и терпеливо ждал, пока ученик наиграется. Так было, когда Подмастерье был Мастеру по колено, и это была хорошая работа. Потом, когда Подмастерье подрос и стал Мастеру по пояс, учитель поручал ему повторять то, что только что сделал он сам. Мастер был очень терпелив и мог сто раз показать, как делать правильно, пока подмастерье не справлялся с задачей идеально. Мастер не ругал, не кричал, не упрекал, ждал, пока Подмастерье закончит свою работу, и потом говорил только: «Смотри». И больше не говорил ничего, снова делал сам, обращая внимание на то, что нужно было сделать иначе. А если мастер не говорил «Смотри», это означало, что всё получилось, и Подмастерье мог улыбнуться. Молчание Мастера была для него самой лучшей похвалой.

Подмастерье много ошибался. Если его фигурки получались некрасивыми, перекошенными, даже уродливыми, Мастер никогда не выбрасывал и не ломал их, и уж тем более не исправлял сам.

– У меня так плохо вышло, может быть, переделать? – однажды осмелился спросить Подмастерье, глядя с состраданием на нескладное нечто в своих руках. – За что ей быть такой, она ведь не виновна в моём неумении!

– Принимай то, к чему ты причастен, в этом есть часть тебя. Отвергая, отвергаешь себя, – глуховато ответил Мастер и бережно убрал фигурку в корзину, рядом со своими идеальными. Подмастерье не понял и кивнул.

Мастер не делал много одинаковых поделок, брался за новое, словно искал что-то, но не мог найти. Каждый раз, создавая мягкие фигурки, он оживлялся, был предельно точен, аккуратен, и почти нежен. Громко дышал, Подмастерье слышал, как воздух шумит внутри него, и любил этот звук, настоящий звук живого Мастера. Особенно в такие моменты, когда учитель вдыхал глубоко, грудь его вздымалась, широкие плечи от этого казались еще шире, и потом выдыхал прямо в фигурку. Это было похоже на волшебство. Выдыхал, внимательно за ней наблюдал, когда начинала шевелиться, подносил к уху, прислушивался, бережно усаживал фигурку в корзину и спокойно изрекал: «Опять не то».

На рабочих столах после живых фигурок оставалось часто что-то мокрое, скользкое и неприятное. Убирать это должен был Подмастерье, но такие фигурки нравились ученику больше всего, что они делали. Мастеру, наверное, тоже, потому что он отправлял их на дно корзины сам, не наполнял её, почти пустую бережно нёс в руках.

Подмастерье вырос Мастеру уже по плечо, только Мастер был большим и сильным, а Подмастерье щупленьким и слабым. И они работали, работали, работали. Однажды живая фигурка получилась очень цепкая, быстро вскарабкалась по стене корзины до самого верха, и Подмастерье, испугавшись, что она разобьется, прыгнув на каменный пол, схватил её. Видимо, он не рассчитал и сжал слишком сильно, шевелиться она перестала. Ученик ещё больше испугался и попробовал сам вдохнуть в неё, но безуспешно. Мастер обернулся, увидел на ладони ученика бездыханную фигурку, лицо его на мгновение омрачилось гневом, но лишь на мгновение. Складка на переносице разгладилась, губы расслабились, он принял фигурку из дрожащих рук, с шумом набрал полную грудь воздуха и вдохнул. Подождали. Фигурка зашевелилась и была вновь отправлена в корзину.

– Я только хотел... – попытался оправдаться Подмастерье, но Мастер перебил его.

– Я знаю.

Когда Мастер перебивал, он не хотел говорить. Совсем. Но ученик не мог сдержаться...

– Как же ты понесёшь её, она ведь снова вскарабкается и выпрыгнет по дороге?

Мастер посмотрел на него неожиданно одобрительно.

– Там темно. Пока я несущу их к свету, они спят, никто никуда не убегает. Никто не захочет убегать в пустоту.

В тот день Подмастерье так разволновался, что, когда Мастер ушел, открыл дверь и с порога выглянул ему вслед. Там действительно было темно и пусто, тогда он закрыл дверь, лег и уснул.

Изгибы и острые углы – то, что дается сложнее всего. Изгиб должен быть настоящим, правильным, гладким, не испортить его, не искорежить очень сложно. А острое должно быть острым, острое нельзя затупить, и изготовить такое еще сложнее: материал должен быть прочным, но поддаваться. Мастер всегда говорил: «Научись делать простое, и потом я научу тебя делать острое». Подмастерье знал, что это что-то очень важное. Он очень старался, но острое часто тупилось, получалось слишком мягким или слишком хрупким, и тогда он ещё больше старался. И вот однажды он делал острое и обломал вершину, привычно взглянул на Мастера, ожидая, что тот покажет, как верно. Мастер склонил голову на бок, посмотрел на него с прищуром и сказал: «Сам». А потом собрал в корзину все фигурки и ушёл.

Подмастерье не лег спать, как обычно, а принялся раз за разом делать острое. Он делал – фигурки ломались, он снова делал, и снова ломались, и скоро на столе перед ним была уже целая груда осколков, руки его были изрезаны, он продолжал.

Мастер вернулся, принес еду и материалы, но Подмастерье отказался есть и продолжил делать. Тогда Мастер собрал осколки в корзину и унёс их, и он вернулся во второй раз, застал Подмастерье за работой и снова забрал корзину осколков и унес их, а когда вернулся в третий раз, то перед ним на столе были острые вершины, иглы, зубы, льдинки, прочные и идеальные в исполнении. Мастер кивнул головой, собрал их в корзину и унёс.

Подмастерье лёг в кровать, но не уснул сразу, он продолжал видеть и делать идеальные вершины, видеть идеальное и потом делать идеальное. Он всё же провалился в сон ненадолго, но дверь отворилась, и вошел Мастер с корзиной еды и материалов. Подмастерье встал и почувствовал себя отдохнувшим.

– Что со мной, Мастер, – спросил ученик, – я становлюсь другим?

– Да.

– А кем я стану?

– Ты станешь Мастером.

– А когда я стану?

– Когда научишься делать ИХ, и потом сделаешь ИХ столько, чтобы стало достаточно.

– Тех, кого ты сам не умеешь?

Мастер молча кивнул в ответ.

– Как же я научусь, если меня некому научить?

– Всё есть в тебе, ты умеешь видеть. Чтобы создать их, тебе не нужен другой Мастер, достаточно тебя одного, – ответил учитель тихо, не поднимая глаз.

Он положил перед учеником материал и ушел, но вернулся, чтобы сказать:

– Не делай так, как я. По этому пути я уже прошел, там ИХ нет. Теперь твой путь.

Подмастерье кивнул. Он понял, о чём сказал ему Мастер.

Долго ничего не было: ни сна, ни еды, ни острого, ни живого. Подмастерье перемешивал, соединял разные материалы, он старался, но у него получалось совсем другое, «опять не то», которое Мастер собирал в корзину и уносил, а Подмастерье снова принимался соединять, смешивать, пробовать. Так было, и Подмастерье стал уже ростом с Мастера, и почти так же широк в плечах.

– Мастер, а есть ли такой материал, который ты ещё не приносил? – спросил Подмастерье.

– Я не беру только очень слабый и никчёмный материал, тот, что не даст ни защиты, ни ярких цветов, ни твёрдости, ни остроты.

– Принеси мне его.

– Это глупо. Это самый ненадёжный и слабый материал из всех. ИХ точно нельзя сделать из такого материала.

– Принеси мне его, – настаивал Подмастерье, Мастер не стал противиться.

А потом снова ничего не было. Подмастерье смешивал, соединял и снова смешивал и смешивал. Изгибы были идеальны, формы напоминали самые прекрасные цветы, Мастер вдыхал в них... «Опять не то».

– Сколько раз можно сделать не то, прежде чем получится то? – спросил Подмастерье не у Мастера, у тишины вокруг, нарушаемой лишь шумом фонтана.

Мастер не отвечал, ведь вопрос задали не ему. Подмастерье кивнул, он понял ответ: лучшего ответа, чем молчание, быть не могло.

Он держал в руках кусочек того самого непрочного материала, мял, вытягивал из него несуразные лучики, и вдруг Мастер остановил его, взял фигурку, вдохнул в неё, потом поднес к уху и улыбнулся:

– Делай ещё таких!

– Это ТО САМОЕ? – обрадовался Подмастерье.

– Посмотрим.

Когда Мастер вернулся с корзиной материала, он был мрачнее тучи.

– Они слишком мягкие и слабые. Большинство умерло ещё по дороге, я вдохнул в них, но и там они не могут долго. Когда вернусь, никто не останется в живых.

Если ты нашел то, что нужно, улучшать уже дело техники. Нужно лишь добавлять мягкому и слабому немножко силы и твердости, так чтобы им можно было жить, при этом оставаясь собой.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.